

Майоров А.А., кандидат исторических наук, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина (Россия).

ВЯТИЧСКОЕ ЭТНОПОТЕСТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ IX - X ВВ.

В статье проведён анализ хронологически систематизированной источниковой базы, посвящённой взаимодействию вятичского этнопотестарного объединения с рядом значимых акторов востока Русской равнины IX - X вв.: Хазарским каганатом, Волжской Булгарией, гипотетическим восточнославянским объединением во главе с северянами и Русью. *Цель исследования:* выявление результатов воздействия указанных выше формирований на заселённый вятичами Верхнеокский исторический регион в условиях регионального военно-политического соперничества. *Материалы исследования:* средневековые русские летописи), данные восточных географов и путешественников, результаты археологических исследований, нумизматики. В работе использовались методы комплексного регионально-исторического анализа. *Результаты и научная новизна:* анализ собранных и систематизированных данных позволяет говорить о существовании прочных экономических и политических связей Верхнеокского региона в лице вятичского этнопотестарного образования с различными структурами востока Русской равнины (Хазарским каганатом, северянским протогосударственным объединением и Волжской Булгарией). Более подробно рассматриваемая Волжская Булгария, судя по всему, в позднехазарское и постхазарское время, выступая в роли эмиссионного и торгового центра региона, была центром притяжения для противостоящих киевским Рюриковичам этнополитических объединений. Существованию Земли вятичей в качестве организованного автономного регионального образования способствовало наличие прямых транспортных путей между Верхнеокским бассейном и булгарскими землями. *Выводы:* Существование государственных и квазигосударственных формирований на востоке и юго-востоке Русской равнины способствовало длительному сохранению самостоятельности верхнеокского славянского вятичского этнопотестарного образования.

Ключевые слова: Верхнеокский регион, вятичи, Волжская Булгария, Хазария, торговля, денежная эмиссия, Древняя Русь, экспансия киевских Рюриковичей, политическое соперничество и взаимодействие, экономическое взаимодействие.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-119-130

Введение

Проблематика влияний соседних регионов (Хазарии, Руси, Волжской Булгарии и иных) на Верхнеокский исторический регион и его население в IX-X вв. в силу ряда причин недостаточно освещена в исторической литературе. К числу наиболее значимых следует отнести, в первую очередь, малое число письменных сообщений о собственно Верхнеокском регионе и о населявших его вятичах, а также явная недостаточность (на фоне широких и активных внешних экономических, политических и военных контактов) информации об их соседях и их связях с восточнославянскими объединениями. Важной субъективной причиной недостаточности проработки указанной тематики следует также полагать редкость рассмотрения Верхнеокского (Верховского) региона и его населения в качестве самостоятельных политических и административных субъектов на фоне впечатляющих событий, имевших место в Восточной Европе конца I - начала II тысячелетия н.э. [25, с.65-75]. Напротив, Волжская Булгария к IX в. уже имела явную этнокультурную специфику и прошла весьма сложный путь политогенеза, прослеживаемого благодаря многочисленным письменным и археологическим источникам, а потому признание её в качестве самостоятельного формирования не оспаривается.

Объекты и методы исследования

Объектом настоящего исследования являются взаимоотношения вятичское этнопотестарное объединение со значимыми акторами востока Русской равнины IX - X вв.: Хазарским каганатом, Волжской Булгарией, гипотетическим восточнославянским объединением во главе с северянами и Русью. Методической основой выступает, наряду с традиционными подходами, многофакторный междисциплинарный анализ базирующийся на диахронно-компаративистском подходе.

Как известно, населявшие бассейн Верхней Оки вятичи не входили ни в число группировок, согласно летописям призвавших новых варягов «изъ заморья», ни в число носителей «Словенскъ языкъ в Руси», ни в числе прочих – «инии языци, иже дань дают Руси» [24, с.10, 18-20]. То есть с Русью того времени имели отношения, скорее, внешнеполитические, а потому рассматривать связи Верхнеокского региона и населявшего его вятичского этнопотестарного образования следует отдельно от Древней Руси, по крайней мере, до конца XI столетия [21, с.38].

Схожесть ресурсных баз и климатических особенностей Верхнеокского региона, Среднего и Нижнего Подонья, а также Среднего Поволжья делают (при всех возможных оговорках) перспективу организации коммерчески выгодной торговли

собственными товарами весьма низкой, но данные археологии позволяют проследить существование контактов между этими регионами, начиная, по меньшей мере, с IX в. – времени восточнославянской колонизации. Географически эти территории соединены крупными реками (Окой, Доном, Волгой). Волжский путь выступал в качестве одного из важнейших компонентов разветвлённой сети торгово-транспортных маршрутов Восточно-Европейской равнины, опирающейся, в первую очередь, на обширную и переплетённую речную сеть региона (Волжский, Донской, Днепровский, Западнодвинский и иные бассейны), выходящую далее на морские (черноморские и каспийские) торговые пути, тесно связанные с продолжающими их сухопутными караванными, что позволяет говорить о единой транспортной системе, связывавшей Центральную Азию с Северной и Центральной Европой [23, с.397].

Согласно сложившемуся мнению, транспортные маршруты юго-восточной части Русской равнины в VIII-X вв. находились под контролем Хазарского каганата [26, с.92-94, 108-112]. Товарные и финансовые потоки, проходившие по ним, автоматически попадали в сферу непосредственного влияния и контроля органов управления данного государственного образования. Даже расселение восточных славян в бассейне Верхней Оки могло быть частично обусловлено необходимостью освоения малонаселённых территорий вокруг двух важнейших торговых маршрутов: окского и донского. Волжская Булгария входила в хазарскую сферу влияния и контролировала восточные маршруты (сухопутные и речные), связанные со средним и северным течением Волги, а Верхнеокский регион – транспортный узел на пересечении донского, окского, деснинского (днепровского) и западнодвинского путей.

Результаты и их обсуждение

Обнаружение на верхнеокских землях значительного числа кладов, состоящих (в подавляющем большинстве) из куфических монет, подтверждает активное использование этой территории для торговых операций, по меньшей мере, начиная с IX в. [29, с.59-60] Чётко прослеживается, что сюда «с самого начала IX в. ... начинает поступать арабское серебро. Этот процесс хорошо фиксируется по отложившимся здеськладам монет, относящихся к первому и второму периодам обращения дирхема. Концентрация кладов IX в. столь высока, что может считаться одной из наибольших для Восточной Европы. Полное совпадение времени поступления дирхема и существования памятников раннего периода, определяемого нач. IX — нач. X вв., позволяет предположить связь этих

явлений. Подобная связь возможна при условии прохождения через изучаемую территорию важных торговых путей и участия в их функционировании местного населения» [9, с.146].

Приток в эту местность монетного серебра осуществлялся двумя основными путями – со стороны Волги (по Оке) и со стороны Дона. Причём, первоначально (в IX в.) преобладал именно донской маршрут: «Из бассейна Верхнего Дона движение монетного потока становилось многовариантным и расходилось радиально. Очевидно, происходило и распространение по отдельным участкам окского течения... В IX в. скопления находок дирхамов на территории проживания представителей культур роменского типа локализуются по Упе с прилегающим к ней участком Оки, в междуречье Оки и Большой Смедовы и в треугольнике, образованном реками Ока, Осетр и Москва... в западной части... особенно выделяется городище Супруты ...В восточной части ... Борковское селище (на территории современной Рязани – М.А.)... Очевидно, эти два населенных пункта осуществляли контроль над близлежащими торговыми маршрутами и обеспечивали движение по Окскому пути» [7, с.20-21]. Вопросы эксплуатации донского торгового пути, проходившего по хазарским владениям от Азовского моря к верховьям Дона, являются отдельной и важной темой [11, с.67-71; 21, с.8]. Активность донского маршрута в периоды, соотносимые с этапами становления вятичского этнополитического объединения, до сих пор является дискуссионной, хотя присутствие здесь в этот период времени тесно связанных с Хазарским каганатом поселений и воинских формирований, имевших в своём составе местных славян, вполне доказано [32, с.462; 10, с.154, 159-160, 181, 184, 188, 190].

Далее оба маршрута идут единообразно: либо по р. Угре к днепровским и западнодвинским верховьям, что позволяло использовать практически любое направление – на юг, север и запад (к Балтике, в Северную и Центральную Европу, к среднему Поднепровью и т.п.), либо по притокам Верхней Оки в течение р.Десны и далее – на р.Днепр [22, с.8]. Наличие единого перехода подтверждается тем фактом, что найденные в окрестностях Гнёздова «дирхеми и подражания, вышедшие с монетных дворов Востока, составляют 90% нумизматической коллекции» [31, с.262].

Становление Волжской Булгарии и расселение восточных славян в бассейне Верхней Оки имеют ряд параллелей: оба региона являлись территориями, зависимыми от Хазарского каганата и первое время выполняли в его управленческой системе схожую функцию – обслуживание и

охрана транзитного торгового сообщения. Представляется, что некоторое время даже существовала определённая вероятность «подтягивания» уровня развития хронологически более «молодого» Верхнеокского региона к показателям Волжской Булгарии в силу величины и объёма пропускаемого первоначально им через себя «траффика» и, соответственно, высокой доходности его обслуживания. Но позднее ситуация существенно изменилась: штурм, осада и разгром в первых десятилетиях X в. Супрутского городища некой «северной дружиной» привели к разрушению уже сложившейся в IX в. системы сопровождения транспортных маршрутов, включавшей в себя славянские поселения бассейна Верхней Оки [10, с.162-165]. Её сохранившиеся составные части (речь, в первую очередь, идёт о системе обеспечения и организации денежного обращения) были успешно инкорпорированы в новую структуру: «с начала 920-х гг. дирхамы из Волжской Булгарии по Оке через земли вятичей стали проходить к северянам... в 930-е – 940-е гг. окончательно формируется замкнутая система обращения и использования дирхамов. Установились торговые отношения между волжскими булгарами и финскими племенами Нижнего Поочья, вятичами на Средней и Верхней Оке и северянами в Курском Посемье» [7, с.23]. Принимая во внимание появление монетных подражаний, источником которых предполагается поступательно развивавшаяся Волжская Булгария, можно констатировать возникновение особой системы монетного обращения в Поочье, Подонье и северянской части Днепровского левобережья, центром которого являлась (как источник и, частично, эмитент) Волжская Булгария.

Становление этой специфической денежной системы происходило, по всей видимости, одновременно с формированием относительно самостоятельного союза восточнославянских этнополитических структур, ранее находившихся в тесных отношениях с Хазарским каганатом (в составе северян, вятичей, радимичей и донских славян) [40, с.253-256; 38, с.193-208]. Вятичи, ещё только организовываясь в качестве этнополитического феномена, в первые десятилетия своего существования могут рассматриваться (при всех возможных оговорках) в качестве его северо-восточной составной части, что, исходя из накопленного информационно-аналитического материала, позволяет трактовать статус их общественно-политического развития как, по меньшей мере, «предгосударственный» [39, с.65]. Фактором, способствовавшим успеху становлению нового союза в первой четверти X в., судя по всему, было

практически одновременное ослабление как каганата, так и державы Рюриковичей, что дало этому объединению возможность укрепиться [6, с. 132-133, 141-142; 28, с.215-219].

Таким образом, к середине X в. Верхнеокский регион был неотъемлемой составной частью, по меньшей мере, двух крупных структур: политической, во главе (по всей видимости) с северянами, и валютно-экономической, основу которой составляли торговля и поставки Волжской Булгарией монетного серебра (частично её собственной чеканки). Это подтверждается имеющимся археологическими и нумизматическими материалами. Археология позволяет говорить о многочисленных примерах болгарского влияния на вятичей, вплоть до воздействия на ряд вятичских этноопределяющих атрибутов, и подтверждает предположение о связях, несомненно более тесных, нежели простая торговля [41, с. 34-35.]. Участие в (по меньшей мере) двух самостоятельных объединениях с восточными соседями вело вятичей, как и прочих участников этих союзов, к прямой конфронтации с державой Рюриковичей.

Следует напомнить, что Волжская Булгария в отдельные периоды также не являлась единой: в качестве равновеликих административных центров и вероятных мест чеканки монеты первой половины X в. указываются два основных населённых пункта – города Булгар и Сувар: «...в 930-940-е гг.... Булгария распалась на два владения – Болгарский и Суварский... эмираты» [18, с.233-234]. О соперничестве свидетельствует нахождение в каждом из их центров – городах Булгаре и Суваре соответственно – по собственной статусной соборной мечети [17, с.37-38]. Интересным представляется возможный анализ особенностей деятельности на восточнославянских землях каждого из волжских эмиратов, выступавших в качестве монетных эмитентов [5, с.43-48]. Отличное от одного число действующих субъектов болгарской внешней политики статистически предполагает разнообразие форм её вероятной активности на восточнославянском направлении.

Исходя из вышеизложенного, нападение (после знаменитого «иду на Вы») киевского князя Святослава Игоревича на вятичское этнополитическое образование, по всей видимости, преследовало несколько целей, среди которых значимыми, в контексте настоящей статьи, представляются установление контроля за транспортными путями и поступлением монетного серебра из Волжской Булгарии, а также подчинение себе хазарских данников, ранее явно не задействованных в системе киевского полудья [24, с.63].

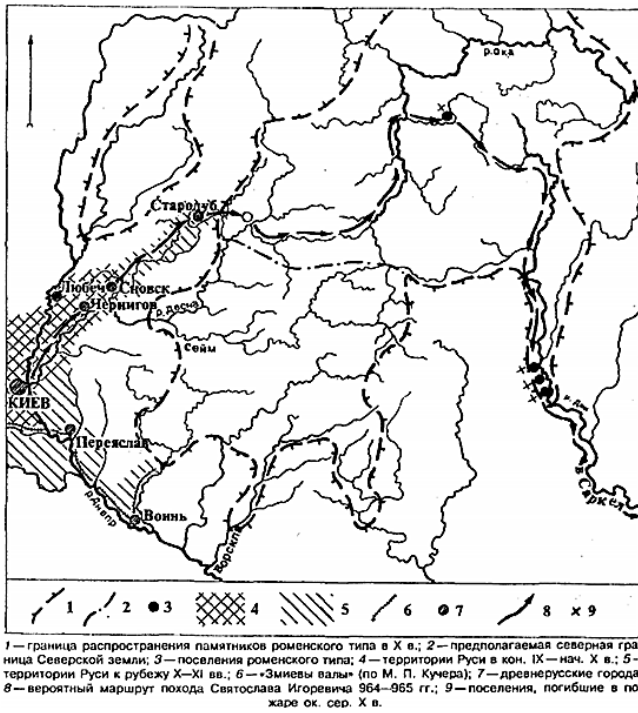

Рис. 1. Вероятный маршрут похода Святослава Игоревича

Маршруты летописных походов Святослава 964/966 гг. до настоящего времени являются предметом дискуссии, тем не менее, наиболее вероятным представляется наиболее короткий и логичный путь: через г.Стародуб, по деснинским и окским притокам – до р.Оки, затем – от р.Оки по р.Упа на р.Дон и далее – вниз по Дону до Саркела [9, с. 211]. Летописное сообщение: «иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи», по всей видимости в части реализации «хождения» на Волгу выглядит неверно трактуемым [24, с.63].

А.В.Григорьев обоснованно полагал, что провозглашённая Святославом победа над вятичами и взятие Саркела (Белой Вежи) не могли привести к падению хазарской государственности [9, с.210]. Имеющиеся сообщения восточных авторов, скорее, указывают на захват и разорение столицы каганата г.Итиль какими-то *некиевскими* группировками («русскими», тюрками, хорезмийцами и т.д.) [13, с.88-89, 94, 96; 12, с.219-221]. Сообщение о «сдвоенном» покорении вятичей (964 и 966 гг.) также выглядит малодостоверным в части достижения устойчивого административного контроля, поскольку позднее он со стороны Киева явно отсутствовал [42]. Хронологически близко прослеживается стремительное увядание среднедонских славянских поселений, которое могло быть обусловлено как действиями Святослава Игоревича, так и банальным разрушением ранее действенной (хазарской?) системы обеспечения безопасности от степных набегов [16, с. 269].

Т.М.Калинина убедительно показывает, что поход Святослава 964-965 гг. имел прямое

отношение исключительно к западным окраинам каганата, поскольку «трудно вообразить, зачем вообще мог понадобиться правителям Киева тотальный разгром торговых городов Итиля и Самандара» [19, с. 228]. Приписываемое же Святославу падение Хазарского каганата произошло, согласно «Книге путей и странствий» Ибн Хаукала, лишь через несколько лет – в 968-969 гг., после чего «русы... отправились тотчас же к стране Византия и в Андалусию» [13, с.88-89, 92]. Участие князя Святослава в столь дальнем походе выглядит невозможным, поскольку именно в это время он декларировал необходимость обращения на ближний Запад: «не любо ми есть въ Києве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей» [24, с.66]. А в следующем году хоронил свою мать, перед тем «высидевшую» «со унуки» печенежскую осаду Киева [24, с.65-66].

Согласно общепризнанной версии, атака «руссов» на Хазарию, приведшая к её сокрушению (согласно Ибн Хаукалу), предварялась агрессией против Волжской Булгарии, и даже разрушением собственно Булгара в 968/969 гг., которое для болгарской государственности того времени, судя по всему, не имело принципиального значения: «Булгар – город небольшой, нет в нем многочисленных округов, и был известен, тем, что был портом... И опустошили его русы» [13, с.88-89, 92]. Разрушение полноценного столичного центра должно было привести к явному падению экономической активности всей Булгарии, чего не наблюдается, а потому требует дополнительных пояснений [28, с.221-225; 20, с.95-97]. Можно полагать вероятным разрушение лишь портовых сооружений «небольшого города», либо неких пунктов, находившихся под контролем Булгарии (и не обязательно на «коренной» болгарской территории). В пользу предположения говорит и сообщение ал-Балхи: «Внешний Болгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт этого государства» [34, с. 82]. Вероятно, рост Булгара как столичного центра произошёл позднее.

Как бы то ни было, для Поочья 964/966 гг. стали значимым хронологическим рубежом: «Одним из результатов... стало выпадение земель к западу от Осетра из ареала обращения дирхамов. В то же время прохождение куфических монет по данному участку Окского пути в Посемье продолжилось, о чем свидетельствует состав курских комплексов» [7, с.23]. Представляется, что изменения в политической жизни Восточной Европы, обусловленные «нестроениями» в Аббасидском халифате, падением Хазарского каганата, активностью русов (одной из частей которых для

внешних наблюдателей могли быть киевские князья) и необходимостью прокладки новых караванных путей, стали наиболее вероятными причинами резкого прекращения выпадения кладов практически по всей Оке в 960-х гг. [7, с.23]

Возвращение дирхамов в клады фиксируется в конце десятилетия и продолжается до 980–х гг. Препятствий для продолжения функционирования на Верхней Оке в этот период двух явно связанных между собой значимых союзов – политического (во главе с северянами) и валютно-экономического (во главе с Волжской Булгарией) – не наблюдается. Принципиальным противником этих объединений выглядит киевская держава Рюрикovichей, активно претендовавшая на роль господина всех восточных славян. Впрочем, смерть Святослава в 972 г. от рук печенегов на некоторое время приостановила былую экспансионистскую активность киевлян на Оке: «нападе на нь Куря, князь Печенежский, и убиша Святослава» [24, с.72]. В это время, с точки зрения транспортной логистики, резко выросло значение собственно окского транспортного коридора, вследствие хаотизации Северного Причерноморья.

Севший в 980 г. на киевский стол князь Владимир на следующий же год занял города на границе «с ляхами», а вторым наиважнейшим направлением он посчитал окские леса, куда ему пришлось организовывать последовательно два похода: в 982 г. «...вятичи победи. и възложи на ня дань ...заратишася Вятичи. и иде на ня Володимерь. и победи я вьторое» [24, с.72]. Важность окончательного решения «славянского вопроса», тесно связанного с болгарским, прослеживается и в последующих решениях: в 984 г. «иде Володимерь на Радимичи... и победи Радимиче», а затем, в 985 г. «иде Володимерь на Болгары... в лодяхъ, а Торьки берегомъ приведе на конихъ; и победи Болгары... И створи мирь Володимерь съ Болгары, и роте заходиша межю собе» [24, с.82]. Принимая во внимание очевидное участие перечисленных этнических групп в упомянутых выше политическом и экономическом союзах, действия Владимира Святославовича демонстрируют его стремление эти объединения: оторвать от северянского союза его удалённую радимичскую часть, располагавшуюся на днепровском Правобережье, а в случае с Волжской Булгарией – отрезать её от союзных северян и вятичей.

Примерно в то же время (около 984/985 гг.) был осуществлён разгром северян Посеймья (Посемья): археологические данные демонстрируют высокую вероятность стремительного удара киевской дружины вдоль р.Сейм, приведшего к уничтожению большинства северянских поселений и укреплений этого региона, а в итоге – падению здесь роменской археологической культуры. Местное население, в

значительной своей части, бежало (либо было изгнано), а местный социум (чьё практически непрерывное развитие отслеживается археологами на протяжении столетия) был, как социальная структура, фактически уничтожен [16, с.275; 15].

Денежное обращение, как и во время походов Святослава, чётко отреагировало на военную активность Владимира Святославовича, что «подтверждает... следующая по времени лакуна, выделенная в земле вятичей после находок 970-х – начала 980-х гг. Данное явление было обусловлено уже походами Владимира начала 980-х гг., которому вновь понадобилось покорять восставших вятичей» [7, с.24]. Чтобы не послужило причиной возникновения описанной лакуны – военное разграбление, «эффективный» сбор дани, общее разорение экономики – в её основе находится вмешательство в жизнь рассматриваемого региона со стороны киевского князя.

Происходит увеличение на верхнеокских территориях числа предметов материальной культуры, типичных для северян, что говорит о высокой вероятности перемещения сюда значительной части беженцев от киевских властей [16, с.288, 305]. Такого рода данные весьма многочисленны на всей верхнеокской территории [16, с. 305-306]. Сведения, указывающие на явный рост численности местного населения, также подтверждают реальность указанных событий [14, с.39-45]. В то же время отсутствие прямых летописных указаний на столь яркие и важные изменения, приведших к росту подконтрольной Киеву территории, заставляет задаться вопросом об ассоциировании их с какими-то иными событиями. И здесь хронологически нет более близкого варианта, нежели «болгарский» поход Владимира: для летописца решение «северянского вопроса» могло выглядеть частью болгарской проблематики.

Моментом фиксации результатов уничтожения единой организационной структуры восточнославянского союза во главе с северянами можно полагать начало обширного строительства укрепленных поселений по рр.Сула, Стугна и Десна (под 988 г.), что означало окончательную ликвидацию здесь вероятного северянского сопротивления. Для реализации этих планов была реализована политика взятия фактических заложников у покорённых этнических групп: отбирались «...мужи лутши от Словень. и от Кривичь. и от Чюдии. и от Вятичь и от сихъ насели и грады...» [30, с.106].

Следует полагать, что население бассейна Верхней Оки преимущественно негативно воспринимало деятельность киевских князей отнюдь не потому, что кто-то извне его негативно настроивал против Древней Руси [33, с.8-9; 35, с.70]. Рюрикovichи и их структуры выглядели и являлись одной

из воинственных группировок-«пришельцев», основной целью которой являлось покорение окрестных этнотерриториальных групп, их подчинение и установление с ними даннических отношений.

Детали заключённого в итоге Владимиром с болгарскими правителями соглашения в настоящее время не вполне ясны из-за отсутствия оригинального текста. Вероятно, оно признавало право болгар на продолжение торговых отношений по Оке и, по сути, являлось фиксацией старого положения, где Волжская Булгария играла роль экономического и эмиссионного центра. Указания на признание соглашением административной подчинённости Верхней и Средней Оки за Киевом нет. Представляется, что права на владение, распоряжение и управление землями бассейна Верхней Оки и вятичами (как, впрочем, и рядом других группировок Восточной Европы) у киевских Рюриковичей в X в. ещё не было – ни по праву покорения, ни по праву присяги. Краткосрочные оккупации времён Святослава Игоревича и Владимира Святославовича, прекращавшиеся в момент ухода киевской дружины с Верхней Оки, не могли стать основанием (даже по нормам обычного права) для владения этими территориями и управления их населением.

Вероятнее всего, обязательства («рота») между Владимиром Святославичем и Булгарией, определённые по результатам похода 985 г., распространялись (как следует из приведённого в летописях текста) только на самого Владимира либо на непосредственно подчинённую ему Русь: «толи не будет межю нами мира, оли камень начнет плавати, а хмель почнет тонути» [24, с.82]. Касательно лет жизни князя Владимира ситуация вполне известна. Собственно же Русью, по А.Н.Насонову, вплоть до XII в. (а в более раннее время тем более) называлась относительно узкая полоска прикиевского Приднепровья [27, с.29-36]. Режим безопасности «неРуси», т.е. покорённых данников, являлся вопросом второстепенным.

Интересно отследить ряд аспектов киевского восприятия славян (и вятичей в их числе) на основе устойчивых стереотипов, письменно зафиксированных не ранее конца 30-х гг. XI в. [36, с.14-15]. Известная формулировка летописного объяснения причин приостановки похода 985 г. против Волжской Булгарии – «...суть вси в сапозехъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ» [24, с.82] – указывает на явное высокомерие, чем подтверждается сугубая утилитарность причин похода: стремление захватить трофеи и, по возможности, собрать дань; определяющим является то обстоятельство, что данник должен быть относительно слаб (не в «сапозехъ»), чтобы не суметь оказать сопротивление. В дальнейшем восприятие восточных славян всё же несколько

«смягчилось»: «с точки зрения летописца, восточнославянские племена, несмотря на негативную оценку их языческого прошлого, были предопределены к спасению в будущем, тогда как тюркские племена выполняли функцию «багога Божьего» и им было суждено погибнуть» [1, с.27; 2, с.102-117].

В свете появления на следующий же 986 г. в Киеве болгарского посольства с предложением о принятии ислама в роли государственной религии, объявленная военная победа князя Владимира вызывает серьёзные сомнения: выглядит невероятным, что проигравшие, непосредственно после поражения, явятся к победителю с предложением разделить их идеологические установки. Позиция идеологического «светоча» выглядит более естественной, если допустить, что предложение о принятии новой религии было одним из условий примирения для слабой стороны конфликта. Ситуация, когда сразу после якобы победоносного похода в Киев «пришли Болгары веры Божьей, глаголюще: «яко ты князь еси мудръ и смыслень... веруй в закон нашъ», выглядит, скорее, как исполнение неких ранее принятых князем на себя обязательств [24, с.82]. Широко известный летописный рассказ, повествующий о стремительном и одновременном появлении у княжеского стола миссионеров от «немцев» («учитель нашъ Павелъ»), официально якобы разгромленных Святославом хазарских иудеев («Жидове Казарьстии... веруем единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю»), философа от греков («прислаша Грыцы къ Володимеру философа») и о выборе веры князем Владимиром предстаёт как лихорадочная попытка переиграть ранее взятые на себя обязательства (принесённую присягу) [24, с.83-84]. В любом случае, киевскому князю пришлось сразу после похода на Волгу прибегать к сложному идеологическому и политическому маневрированию.

И.А.Гагин, основательно работающий над темой взаимодействия Булгарии с Рязанской землёй, вслед за А.Х.Халиковым и А.М.Членовым, допускает, что болгары довольно сильно воздействовали на вятичей, вследствие чего те противились «объединительной политике киевских князей» [4, с. 168]. Предположения же о вероятности некоего протектората (над всеми либо какой-то частью вятичей) либо династической связи пока выглядят гипотетическими и ещё не подкреплёнными достаточным количеством материальных подтверждений [см. 37, с.137, 139]. Хотя в его пользу говорят не только некоторые нумизматические данные, но и признаваемое многими исследователями явно сомнительным сообщение «Джагфар Тарихы»: «Зимой (931 г.)... Хаддад со своими ближайшими джурами ушел к батышцам (вятичам). Те... избрали Хаддада своим беком... сам

Хаддад Качкын и его потомки были опасны для правителей Булгара и Руси, как принцы дома Дуло и, значит, претенденты на оба трона, поэтому и те и другие не жалели усилий для искоренения этой болгарской династии» [3, с.76-77]. Представляется, скорее, абсолютно реальным, что как-либо специально воздействовать на вятичей не являлось необходимым в силу их изначально скептического отношения к благотворности киевского правления, основанного на собственном и северянском негативном опыте. Как точно отметил А.А.Горский, «...объединение всех восточных славян в одном государстве... является уникальным: ведь объединение в одном государстве не произошло ни у западных, ни у южных славян» [8, с.23]. Традиционно упоминаемая в качестве обоснования экспансии Киева на славянские земли внешняя угроза («защита территории и жителей») для вятичей звучала явно демагогически: Верхнеокский регион находился относительно далеко от опасных границ восточного славянства и именно киевские Рюриковичи были самой агрессивной группировкой восточной Европы (из вятичских соседей), которая вела активную, широкую и постоянную экспансионистскую кампанию.

Выводы

Анализ собранной информации позволяет сделать выводы о наличии ряда специфических черт, характеризующих воздействие восточных соседей на Верхнеокский регион в IX-X вв. Судя по всему, само их существование (начиная с

Хазарского каганата, продолжая северянским объединением и Волжской Булгарией) оказывало значительное влияние на политико-экономическую ситуацию в Восточной Европе в целом и расположенные относительно недалеко восточно-славянские образования в частности.

Установившиеся ещё во времена господства Хазарского каганата контакты Волжской Булгарии с различными административно-управленческими формированиями по течению р.Оки (одним из которых был Верхнеокский исторический регион) после падения каганата не были утрачены, но, судя по всему, получили дальнейшее развитие, выразившееся в болгарском экономическом влиянии на эти территории.

Информация русских летописей об успешности военных походов против иноверцев и «поганных» (в данном случае – волжских болгар и вятичей) не всегда выглядит достоверной и зачастую не имеет объективного подтверждения. Разгром киевскими князьями восточнославянского союза во главе с северянами сделал Волжскую Булгарию единственным независимым из сохранившихся традиционных партнёров вятичского этнопотестарного образования. Наличие признаков существования экономических и политических соглашений и договорённостей Булгарии с близкими и дальними соседями (Русью, Хорезмом, различными тюркскими объединениями и т.д.), по всей видимости, способствовало продлению существования фактически самостоятельного Верхнеокского региона.

Благодарность

Хочется искренне поблагодарить профессора Е.А.Шинакова за целый ряд ценных критических замечаний и рекомендаций, сделавших возможным окончательное оформление и публикацию настоящей статьи.

Список литературы

1. Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. Автореф. дис. к.и.н. М.: 2017. 30 с.
2. Андрейчева М.Ю. Поход Владимира Святославовича на Волжских болгар в статье 6493 года ПВЛ: к вопросу о семантике сюжета// Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М.: ИВИ РАН. С.102-117.
3. Бахши Иман. Джагфар тарихы. Т. I. Свод болгарских летописей 1680 года. Изложение текста Джагфар тарихы на русском языке, сделанное жителем города Петропавловска И.М.-К.Нигматуллиным в 1939 году. Оренбург: Редакция вестника «Булгария», 1993. 400 с.
4. Гагин И.А. Волжская Булгария: очерки средневековой дипломатии (X - первая половина XIII в.). Монография/ Ряз. обл. ин-т развития образования; СПб. гос.ун-т. Рязань: Изд-во Рязан. обл. ин-та развития образования, 2004. 236 с.
5. Гоглов С.А., Големихов А.В. О монетном чекане Волжской Булгарии X в.// Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Том 3. Спецвыпуск «Русь Домонгольская». Минск: РИФТУР ПРИНТ, 2017. С.40-63.
6. Голб Норман, Прицак Омелян. Хазарско-еврейские документы X в. Науч.ред., посл. и комм В.Я.Петрухина. М., Иерусалим: Гешарим, 1997. 240 с.
7. Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореферат диссертации... к.и.н. М.: 2013. 28 с.
8. Горский А.А. Зарождение русской государственности: ключевые проблемы// Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. 2012. № 6. С.16-34.
9. Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. Тула:

Гриф и К°, 2000. 263 с.

10. Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I - начале II тыс. н.э. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с.

11. Григорьев А.В. Торговый путь по реке Дон в IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т.Пашуто. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С.67-71.

12. Древняя Русь в свете зарубежных источников/ Под ред. Е.А.Мельниковой. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. 622 с.

13. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия/ Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г., Коноваловой и А. В. Подосинова. Том III: Восточные источники. Сост. части I — Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; части II — В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 264 с.

14. Енуков В.В. Посемье и семичи (По данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Сборник статей. Вып.6. Редактор: С.Н.Кистерев. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 3-46.

15. Енуков В.В. Русь и судьбы северян (по материалам раскопок Курска) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 3(47). <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=52> (дата обращения: 20.10.2021)

16. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

17. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы Севера, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.

18. Измайлов И.Л. Становление Волжской Булгарии: от племени к государству // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2 (12). Июль – декабрь. С. 217-242.

19. Калинина Т.М. Поход Святослава на восток в контексте борьбы за «хазарское наследство» // *Stratum plus*. 2000. №5. С.226-235.

20. Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 90–101.

21. Котляр Н.Ф. О социальной сущности древнерусского государства IX – первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы. М.: Наука, 1995. С.33-49.

22. Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь. КСИА. Вып.182. М.: Наука, 1986. С.3-9

23. Леонтьев А.Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С.382-401.

24. Летопись по Лаврентьевскому списку. Издание археографической комиссии. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1872. 590 с.

25. Майоров А.А. «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная локализация и правомерность использования понятия // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т.21, вып.2 (154). С.67-75.

26. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

27. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Издательство АН СССР, 1951. 282 с.

28. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

29. Петрухин В.Я. Путь «из варяг в греки»: летописная реконструкция и трансконтинентальные магистрали // Древнейшие государства Восточной Европы/ Ин-т всеобщей истории РАН. - 2009: трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М.: Индрик, 2010. С.58-65.

30. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1908. 574 с.

31. Пушкина Т.А., Мурашова В.В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама/ Ин-т археологии РАН. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–273.

32. Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков: ХГАК, 2006. 554 с.

33. Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X—XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь (К 1000-летию русско-булгарского договора): сборник статей. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, 1986. С. С. 3-36.

34. Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Дада. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1869. 214 с.

35. Членов А.М. Из истории ранних русско-болгарских связей // Из истории ранних болгар. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 69-82.
36. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1938. 374 с.
37. Шинаков Е.А. Болгарский контекст происхождения лучевых головных колец [Bulgarian context for the origin of ray head rings] // Археологически хоризонти: Сборник в чест на 70-годишнината на доц. д-р Иван Джамбов/ Съставителство и редакция: Георги Митрев, Стоян Попов, Божидар Драганов. Пловдив: УНИВЕРСИТЕТСКО ИЗДАТЕЛСТВО «ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИ», 2018. С. 121-147.
38. Шинаков Е.А. Ещё раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова Тян-Шанского». Вып. 8. Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С.193-208.
39. Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства/ Отв. ред. сер. Е.А.Мельникова. Институт всеобщей истории РАН. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С.34-93.
40. Шинаков Е.А., Григорьев А.В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2017. С.253-256.
41. Шинаков Е.А., Чубур А.А. Урало-поволжский контекст генезиса лучевых головных колец // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 1(8). С. 31-39.
42. Щавелев А.С. Реконструкции и интерпретация рассказа «Древнейшего сказания» (начало – середина XI в.) о походе князя Святослава Игоревича на вятичей и хазар // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1(48). С.122-129.

VYATICHI ETHNO-POTESTAR FORMATION IN THE CONTEXT OF ECONOMIC AND POLITICAL PROCESSES WITHIN EASTERN EUROPE IN THE 9TH-10TH CENTURIES

The author of this article carried out a comprehensive analysis of a chronologically systematized source base dedicated to the military-political and economic interaction of the Vyatichi ethno-political association with a number of significant actors in the east of the East European Plain in the 9th - 10th centuries, such as the Khazar Khaganate, Volga Bulgaria, a hypothetical East Slavic association led Severi and Rus. The purpose of the study is to identify the direct and indirect consequences of the impact of the formations listed above as economic and political structures on the Upper Oka historical region populated by the Vyatichi in the context of constant military and political rivalry. Research materials: medieval Russian chronicles, data from Eastern geographers and travelers, results of archaeological research, numismatics. The methods of complex regional-historical analysis were used in the work. Results and scientific novelty: the analysis of the collected and systematized data suggests the existence of strong economic and political contacts of the Upper Oka region in the face of the Vyatichi ethno-political association with the formations of the east of the East European Plain (Khazar Khaganate, Severi's proto-state association and Volga Bulgaria). Considered in more detail, the Volga Bulgaria, apparently, in the late Khazar and post-Khazar times, acting as the emission and trade center of the region, was the center of attraction for ethno-political associations opposing the Kievan Rurikids. The existence of the Vyatichi Land as an organized autonomous regional formation was facilitated by the presence of direct transport routes between the Upper Oka basin and the Bulgar lands. Conclusions: The existence of state and quasi-state formations in the east and southeast of the East European Plain contributed to the preservation of the independence of the Upper Oka Slavic Vyatichi ethno-political association.

Keywords: Upper Oka region, Vyatichi, Volga Bulgaria, Khazaria, trade, money issue, Old Rus, expansion of the Kiev's Rurikids, political competition and interaction, economic interaction.

References

1. Andrejcheva M.Yu. (2017). *Obrazy inovercev v Povesti vremennyh let* [Images of Gentiles in the Russian Primary Chronicle]. Thesis for the degree of candidate of historical sciences. M. 30 p.
2. Andrejcheva M.Yu. (2012). *Pohod Vladimira Svyatoslavovicha na Volzhskih bulgar v stat'e 6493 goda PVL: k voprosu o semantike syuzheta* [Vladimir Svyatoslavovich's campaign against the Volga Bulgars in article 6493 of PRC: on the issue of plot semantics]. *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah*. M. IVI RAN. pp.102-117.
3. Bahshi Iman. (1993). *Dzhagfar tarihy. T.I. Svod bulgarskih letopisej 1680 goda. Izlozhenie teksta Dzhagfar tarihy na russkom yazyke, sdellanoe zhitelem goroda Petropavlovsk I.M.-K.Nigmatullinym v 1939 godu* [Code of Bulgarian chronicles of 1680. Exposition of the text of Jagfar Tarihi in Russian, made by a resident of the city of Petropavlovsk I.M.-K.Nigmatullin in 1939]. Orenburg: Redakciya vestnika «Bulgariya». 400 p.
4. Gagin I.A. (2004). *Volzhskaya Bulgariya: ocherki srednevekovoj diplomatii (X - pervaya polovina XIII v.)* [Volga Bulgaria: Essays on Medieval Diplomacy]. Ed. prof. R.H.Bahrieva. Rjaz. obl. in-t razvitija obrazovanija; SPb. gos.un-t. Ryazan': Publishing house Ryazan region Institute of Development of Education. 236 p.
5. Goglov S.A., Golemihov A.V. (2017). *O monetnom chekane Volzhskoj Bulgarii X v.* [On the coinage

- of the Volga Bulgaria in the 10th century]. Rus', Litva, Orda v pamyatnikah numizmatiki i sfragistiki. Tom 3. Special issue "Pre-Mongol Rus". Minsk: RIFTUR PRINT. pp.40-63.
6. Golb Norman, Pricak Omel'jan. (1997). Hazarsko-evrejskie dokumenty X v. [Khazar-Jewish documents of the 10th century]. Ed. V.YA.Petruhina. M., Ierusalim: Gesharim. 240 p.
7. Gomzin A.A. (2013). Vostochnoe monetnoe srebro IX – nachala XI v. v srednem i nizhnem Pooch'e [Silver coins of the Eastern countries of the 9th - early 11th centuries in the middle and lower Oka basin]. Thesis for the degree of candidate of historical sciences. M. 28 p.
8. Gorskij A.A. (2012). Zarozhdenie russkoj gosudarstvennosti: klyuchevye problemy [The emergence of Russian statehood: key problems]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.12. Ser. 12. Political science. № 6. pp.16-34.
9. Grigor'ev A.V. (2000). Severskaya zemlya v VIII - nachale XI veka po arheologicheskim dannym [Land of the Severians in the VIII - early XI century according to archeology]. Tula: Grif i K°. 263 p.
10. Grigor'ev A.V. (2005). Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I - nachale II tys. n.e. [Slavic population of the Oka-Don watershed at the end of the 1st - the beginning of the 2nd millennium AD]. Tula: State Museum-Reserve "Kulikovo field". 207 p.
11. Grigor'ev A.V. (2011). Torgovyj put' po reke Don v IX v. [Trade route along the Don River in the 9th century]. Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza. XXIII chtenija pamyati chl.-kor. AN SSSR V.T.Pashuto. Materialy konferencii. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2011. M. pp.67-71.
12. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Old Rus illuminated by foreign sources]. (2013). Ed. E.A. Melnikova. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke. 622 p.
13. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya [Old Rus illuminated by foreign sources: Reader]. (2009). Edited by T.N. Jackson, I.G., Konovalova and A.V. Podosinova. Tom III: Vostochnye istochniki. Sost. chasti I — T. M. Kalinina, I. G. Konovalova; chasti II — V. YA. Petruhin. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke. 264 p.
14. Enukov V.V. (2002). Posem'e i semichi (Po dannym pis'mennyh, arheologicheskikh i numizmaticheskikh istochnikov) [Lands along the Seim and Semichi (According to written, archaeological and numismatic sources)]. Essays on Feudal Russia. Digest of articles. Vyp.6. M.: Editorial URSS. pp. 3-46.
15. Enukov V.V. (2018). Rus' i sud'by severyan (po materialam raskopok Kurska) [Rus and the fate of the Severians (based on materials from the excavations of Kursk)]. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3(47). Retrieved 20 October 2021 from <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=52>
16. Enukov V.V. (2005). Slavyane do Rurikovichej [Slavs before Rurikids]. Kursk: Uchitel'. 352 p.
17. Zahoder B.N. (1967). Kaspiskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. Tom II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, rusy, slavyane [Caspian collection of information about Eastern Europe. Tom II. Volga Bulgars, Magyars, peoples of the North, Rus, Slavs]. M.: Nauka. 212 p.
18. Izmajlov I.L. (2012). Stanovlenie Volzhskoj Bulgarii: ot plemeni k gosudarstvu [Formation of the Volga Bulgaria: from tribe to state]. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (12). pp. 217-242.
19. Kalinina T.M. (2000). Pohod Svyatoslava na vostok v kontekste bor'by za «hazarskoe nasledstvo» [Svyatoslav's campaign to the east in the context of the struggle for the “Khazar heritage”]. Stratum plus. №5. pp.226-235.
20. Kalinina T.M. (1976). Svedeniya Ibn Haukalya o pohodah rusi vremen Svyatoslava [Ibn Haukal's information about the campaigns of Rus during the reign of Svyatoslav]. Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovanija. 1975 g. [Ancient states on the territory of the USSR. Materials and research. 1975]. M.: Nauka. pp. 90-101.
21. Kotlyar N.F. (1995). O social'noj sushchnosti drevnerusskogo gosudarstva IX – pervoj poloviny X v. [The social essence of the ancient Russian state in the 9th - first half of the 10th century]. The ancient states of Eastern Europe. Materials and research. 1992-1993. M.: Nauka. pp.33-49.
22. Leont'ev A.E. (1986). Volzhsko-Baltijskij torgovyj put' [Volga-Baltic trade route]. KSIA [Brief reports of the Institute of Archeology]. 182. M. Nauka. pp.3-9.
23. Leont'ev A.E., Nosov E. N. (2012). Vostochnoevropejskie puti soobshcheniya i torgovye svyazi v konce VIII – X v. [Transport routes and trade relations of Eastern Europe at the end of the 8th - 10th centuries]. Rus in the 9th - 10th centuries: an archaeological panorama. In-t arheologii RAN. M.; Vologda: Drevnosti Severa. pp.382-401.
24. Letopis' po Lavrentievskomu spisku [Chronicle on the Laurentian list]. (1872). Izdanie arheograficheskoy komissii. SPb.: Tip-ja Imperatorskoj Akademii nauk. 590 p.
25. Mayorov A.A. (2016). Verhovskaya istoriko-geograficheskaya provinciya: territorial'naya lokalizaciya i pravomernost' ispol'zovaniya ponyatiya ["Verkhovskaya Historical and Geographical Province":

- Territorial Localization and Legality of the Concept Use]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. Tambov. T.21, vyp.2 (154). pp.67-75.
- 26.Nazarenko A.V. (2001). Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyakh: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazey IX-XII vv. [Old Rus on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, Political Relations of the IX-XII Centuries]. M.: Yazyki russkoj kul'tury. 784 p.
- 27.Nasonov A.N. (1951). «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva ["Land of Rus" and the formation of the territory of the old Rus state]. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. 282 p.
- 28.Novosel'cev A.P. (1990). Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. M.: Nauka. 264 p.
- 29.Petruhin V.Ya. (2010). Put' «iz varyag v greki»: letopisnaya rekonstrukciya i transkontinental'nye magistrali [The route "from the Varangians to the Greeks": chronicle reconstruction and transcontinental highways]. Ancient states of Eastern Europe. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. - 2009: transcontinental and local paths as a sociocultural phenomenon. M.: Indrik. pp.58-65.
- 30.Polnoe sobranie russkikh letopisej T.2. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. T.2. Ipatiev Chronicle]. (1908). SPb.: Tip-ja M.A.Aleksandrova. 574 p.
- 31.Pushkina T.A., Murashjova V.V., Eniosova N. V. (2012). Gnyozdovskij arheologicheskij kompleks [Gnezdovo archaeological complex]. Rus in the 9th-10th centuries. Arheologicheskaja panorama. In-t arheologii RAN. M.; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 242-273.
- 32.Tortika A.A. (2006). Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoj Evropy (vtoraya polovina VII – tret'ya chetvert' X v.) [Northwestern Khazaria in the context of the history of Eastern Europe (second half of the 7th - third quarter of the 10th century)]. Har'kov: HGAK. 462 p.
- 33.Khalikov A. Kh. (1986). Volzhskaya Bulgariya i Rus' (etapy politicheskikh i ekonomicheskikh svyazey v X—XIII vv.) [Volga Bulgaria and Rus (stages of political and economic ties in the X-XIII centuries)]. Kazan: "Tatar Book Publishing House". pp. 3-36.
- 34.Hvolson D.A. (1869). Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah Abu-Ali Ahmeda ben Omara Ibn-Dasta [Messages about Khozars, Burtases, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russians of Abu-Ali Ahmed bin Omar Ibn-Dast]. SPb.: Tip-ya Imperatorskoj Akademii nauk. 214 p.
- 35.Chlenov A.M. (1981). Iz istorii rannih rusko-bolgarskikh svyazey. Iz istorii rannih bulgar. [From the history of early Russian-Bulgarian relations. From the history of the early Bulgars]. Kazan: "Tatar Book Publishing House". pp.69-82.
- 36.Shahmatov A.A. (1938). Obozrenie russkikh letopisnyh svodov XIV-XVI vv. [Review of Russian chronicle vaults of the XIV-XVI centuries]. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 374 p.
- 37.Shinakov E.A. (2018). Bolgarskij kontekst proiskhozhdeniya luchevyh golovnyh kolec [Bulgarian context for the origin of ray head rings]. Arheologicheski horizonti: Sbornik v chest na 70-godishninata na doc. d-r Ivan Dzhambov/ S"stavitelstvo i redakciya: Georgi Mitrev, Stoyan Popov, Bozhidar Draganov. Plovdiv: UNIVERSITETSKO IZDATELSTVO «PAISIJ HILENDARSKI». pp. 121-147.
- 38.Shinakov E.A. (2017). Eshchyo raz ob «al'ternativnom» vostochnoslavjanskom predgosudarstvennom obrazovanii X v. (po dannym arheologii i numizmatiki) [Once again about the "alternative" East Slavic pre-state formation of the X century. (according to archeology and numismatics)]. Upper Don archaeological digest. «Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet». Vyp. 8. Lipeck : LGPU imeni P. P. Semenova-Tyanshanskogo. pp.193-208.
- 39.Shinakov E.A. (2012). Plemena Vostochnoj Evropy nakanune i v processe obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Tribes of Eastern Europe on the eve and in the process of the formation of the Old Russian state]. The oldest states of Eastern Europe: 2010: Prerequisites and ways of formation of the Old Russian state. Ed. ser. E.A.Mel'nikova. Institut vseobshchej istorii RAN. M.: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke. pp.34-93.
- 40.Shinakov E.A., Grigor'ev A.V. (2017). Ob etnopotestarnoj «obshchnosti srednego urovnya» na yugovostoke Drevnej Rusi v X v. Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Antichnye i srednevekovye obshchnosti [On the ethnopotestary "community of the middle level" in the south-east of Old Rus in the 10th century. Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Ancient and medieval communities]. XXIX Readings in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto. Materialy konferencii. M.: Institut Vseobshchej istorii RAN. pp.253-256.
- 41.Shinakov E.A., Chubur A.A. (2020). Uralo-povolzhskij kontekst genezisa luchevyh golovnyh kolec [Ural-Volga context of the genesis of radial head rings]. Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya. № 1(8). pp. 31-39.
- 42.Shchhavelev A.S. (2020). Rekonstrukcii i interpretaciya rasskaza «Drevnejshego skazaniya» (nachalo – seredina XI v.) o pohode knyazya Svyatoslava Igorevicha na vyatichej i hazar [Reconstruction and

interpretation of the story "The Ancient Legend" (early - mid-11th century) about the campaign of Prince Svyatoslav Igorevich against the Vyatichi and Khazars]. Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. [Bulletin of Perm University. History]. № 1(48). pp.122-129.

Об авторе

Майоров Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории, философии и русского языка ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина» (Российская Федерация). ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru

Mayorov Anatoliy Alexandrovich – Cand. Sci. (History), acting Head of the Department of History, Philosophy and the Russian Language, Oryol State Agrarian University named after N.V.Parakhin (Russia). ORCID: 0000-0002-4758-7553. E-mail: aamajorov@rambler.ru